

БЕЛОСНЕЖНЫЙ КОНЬ ПЕГАС

Так случилось, что один из лучших наших поэтов и прозаиков XX века оказался отрезан от русского читателя. А главное, удивительно читать Сашу Чёрного были лишь дети. Если «сатирические» были в какой-то мере известны, то его детская проза (новеллы, сказки, рассказы) вообще не публиковалась. Когда читалась Саша Чёрного — и сатиру, и лирику, даже адресованную малышам, — не покидала мысль о страшном одиночестве поэта.

— Верное впечатление, — сказал Владимир Приходько, — у Саши Чёрного есть письмо к Горькому — в нем Александр Михайлович признается в своем литературном одиночестве. Но он испытывал и личностное одиночество. Рано ушел из семьи. Первые публикации подписывал псевдонимом «Саша-себе». Мучился неврозами. У него есть рассказ «Московский случай», в котором герой жеманит, чтоб избежать напора желающих завести с ним роман. А он не из доджанской породы, о чем сказано в другом рассказе. По-видимому, у Саши Чёрного были весьма непростые отношения с женщинами. Невроз! Психиатрические соборы, детские страхи в жизни взрослого человека — это и есть невроз. Вспомните, сколько стихотворений поэта изображают сбежавшее, которое не приносит мужчине удовлетворения. А есть и просто «женоненавистнические» мотивы. Однажды поэт даже воскликнул: «Вы ошиблись, прекрасная леди, можно жить на земле и без вас!» В его стихах полно, ну, очень несправедливых дам — прямо-таки антигероинь.

Саша Чёрный женился на женщине старше его: Мария Ивановна Васильева была начальницей учреждения, где он занимал скромную должность письмоводителя. Служебный роман! Детей у них не родилось. Мне кажется, что в стихах Саши Чёрного нет любовных признаний. Дети и есть его любовь, постоянная, вечная. А глав-

ная лирическая героиня поэта — «тихая девочка». Вот его избранница... Между прочим, однажды он чуть не удочерил девочку. Как-то из Житомира, где пролала юность поэта, приехала его сердечная приятельница Сильвия. Она... ждала ребенка. Мария Ивановна и Александр Михайлович взяли девочку в дом. Вскоре она родила девочку, Нору. Почти накануне удочерения в Петербург приехали родные Сильвии и увезли обеих в Америку.

— Можно ли предположить, что Нора — дочь Саши Чёрного?

— Не подтвердившись, не опровергнувшись...

Одиночество Александра Михайловича усугубилось в изгнании. Он стал сильнее чувствовать свою нерасторжимость с Россией. Его ностальгия — не нить, не причитания. Россия у поэта — вся из родных лиц, пейзажей, звуков, запахов. Она жила, темела.

Судьба ввела в биографию поэта последний — героический штрих: на юге Франции, в Ля-Фабере, в русской колонии, горел лес на холме, и Саша Чёрный бросился тушить пожар. Переболелася. Сердечный приступ. Фелдшерница приехала слишком поздно — поэта не стало (1880-1932). Увы, могла Саша Чёрного не сохранилась.

В стихотворении «Детям» Саша Чёрный писал: У него есть белоснежный, резвый конь, Конь-Пегас, рысак крылатый, И на нем поэт дохлякит Мчится в добу и в огонь...

Про свою судьбу парфорила... Трагическое и солнечное в его творчестве переплетены так тесно, что их не разорбешу.

Наталья ДАРДЫКИНА.

ПОЭТ-ОДИНОЧКА

(...) Изумительно разнообразно творчество этого замечательного поэта.

Сатиры его дышат пламенным гневом щедриковской музы, великодушным презрением, бесей остроумия и жеманством меткой насмешки, которая приликает к человеку, как клеймо. И сейчас же рядом расцветают у Саши Чёрного скромные, благоуханные, прекрасные цветы чистого и мягкого лиризма.

Узость, мелочность, скука и подлость обывательщины отражаются у Саши Чёрного чудесными, скатыми, незабываемыми штрихами, рождающими его только с Чеховым, совсем независимо от влияния великого художника. И так же, как Чехов, Саша Чёрный необычайно мила, проста, бесша, трогательна и бесконечно увлекательна, когда он пишет для детей или о детях.

Я бы сказала: «Да будет ему триумф», если бы только этот сдержанный, молчаливый человек с печальными темными глазами и светлой детской улыбкой придавал триумфу какое-нибудь значение.

А.И. КУПРИН

28 мая 1915 г., Гатчина.

БЕНЗИННАЯ ЛЮБОВЬ

(из путевого альбома)

Есть особото вида любовь: Он садится на мотоциклетку, А она, вскинув гордую бровь, На железную заднюю калитку.

Наклонясь над спящей спиной, Свесив бок мускулистые ноги, На ухабах взлетая копытом, Пролетает она вдоль дороги.

А Ромео в квадратных очках, Словно дьявол с далекого Марса, Принимает к рулю на толчках В цепкой позе голодного бараса.

Пыль клубится. Воняет бензин. Гулкий треск барабанит в моторе. Кто Джульетта? Одна из кузин? Иль колета его по контуре?

В едких калыхас ее галфе, Из-под кепки — земистые скулы... А навстречу — столбы и кафе И моторы — стальные акулы.

В ухе рвется стрекочущий бред. Дети с визгом в кусты убегают... Мрачно матери смотрят ей вслед И на всех языках проклинают.

За шоссе засинел океан, Но не видят они океана. Этот странный бензиновый роман Непонятен, как суп из банана.

Бросишь взгляда на ее макинтош, На затылок подбитый и бурый... О, Петрарка, твой вкус был хорош, Но сегодня не в моде Лауры...

1925 г.

В ВЕНСКОМ ПАВИЛЬОНЕ

(На декоративной выставке) Я признаюсь вам открыто: Мне понравилась покуда Изюм вещей их быта Только календеша Гертруды...

Почему? И сам не знаю. Может быть, она немножко Мне напомнила Агату Из родного Татарста...

Та же грудь и та же брошка, Поступь — выходящая рыбка, И ухмылка, И беззубая улыбка...

О, Гертруда! В час вечерний — Если рок нас свел в Париже, Мы с тобой в ночной таверне Познакомимся поближе.

Наклонив к шартрезу щеки, Пересчитывая сдачу, Гонорар за эти строки На тебя я весь истрачу!

1925 г.

ИЗ ПРОРОЧЕСТВ САШИ ЧЕРНОГО

(...) Что же касается «завоеваний революции», О которых невнятно бормочат иные Конфуции, То скажу, как один пожилой еврей (Что, пожалуй, всего мудрей):

Революция очень хорошая штука, — Почему бы и нет? Но первые семьдесят лет — Не жизнь, а сплошная мука.

«Голос обывателя», 1923 г.

ИЗ «ТИГИЕНИЧЕСКИХ СОВЕТОВ»

Кто б ни божился с миною блаженной, «Завоевания революции» не веры: Болеи зубы, — взвился Красный Зверь И зубы с головой отгрыз мгновенно.

Не спорь с прохожими. Сто душ — сто разных струн. Чем в клоаку драть последние рубашки И зря запутывать российский наш коутун, Сыграй с соседом лучше молча в шапки.

1924 г.

Моск. комсомолец, 1924, 1-й июля, — с. 8.

ИЗ «ДОМАШНИХ АФОРИЗМОВ И МЫСЛЕЙ ПРОФ. Ф.С.СМЯТКИНА»

Лучше камни в почках, чем опечатки в стихах.

Драка в парламенте столь же нелепа, как словесная дискуссия боксеров.

Женщина, увлекательная политикой, подобна бешеной канарейке.

1925 г.

ИЗ «ДОМАШНИХ АФОРИЗМОВ И МЫСЛЕЙ ПРОФ. Ф.С.СМЯТКИНА»

Искус расстояния одинаково опасно для любви и для гонимых: любовь стынет, гонимых не выслают.

Если бы я не был профессором Смяткиным, я бы хотел быть Люксембургской королевой.

1925 г.

СТРАШНЫЙ СОН

Сон сел у подушки, Склонясь в тишине... Толстухе-Верушке Приснилось во сне: Сидит она в сквере С подружкой Мэри, Надела очки И вяжет чулки... Зеленые ивы Развесили гривы, Кошется пруд И пчелки поют. А рядом их папы, Надвинувши шляпы И выпучив глазки, В плетеной коляске Сосут кулачки. Разрыли пеленки И, вздернув ножонки, Мычат, как бычки.

Вдруг папа Верушка, Встав в позу борца, Вцепляется в уши Другого отца... А тот его соской По пальцам с размахом! Скворец под березкой Подпрыгнул от страха... Перинки вздыбились, Коляска — торчком, Папаша свалилась И вьются волчком... Со спинки скамьи Пищат воробы, Две злых собачонки Рвут с треском пеленки... Лай, крики и стоны... Девчонки рыдают И с разных сторон Отцов обнимают...

Проснувшись Верушка: Вокруг — тишина. Под локтем подушка, А сбоку — стена. Проснувшись и села. И шепчет: «Зачем За ужином съела Я с булочки весь крем?.. А дыня? А каша? А порция зраз?.. Ведь тетя Любаша Твердила не раз: «Когда набивают Живот перед сном, Тогда посещают Кошмары потом».

1926 г.

НАДПИСЬ НА КНИЖКЕ, ПОДАЕННОЙ ОДНОЙ ЗНАКОМОЙ ДЕВОЧКЕ

В день Вашего рождения Дарю Вам сие произведение. Когда Вы будете, моя дорогая, Совершенно большая — И будете иметь своего мальчишку, Можете подарить ему эту самую книжку. Поэтому не мажьте ее ни маслом, ни вишневым соком И раскрывайте всегда прямо, а не боком. Целую Вас в носик, в глазки, в правую щеку, Желаю Вам десять пудов счастья — и ставлю точку.

1925 г.

ФАКИРСКИЙ ПОДАРОК

Много лет назад, когда нос мой едва доставал до ручки двери, я учился в Белой Церкви и по классу своему носил веселое звание «приготовишки» (вы и слова такого теперь не знаете). Был я как-то осенью с дядей в цирке. И вот в антракте, помню, как сейчас, пошел мы с ним за кулисы к страшному человеку: факиру Рачки-Чикады, «самопротыкающему» различные части организма при помощи гвоздя без повреждения внутренних органов и пролития кровяных шариков.

Факир за дощатой перегородкой сидел на табурете, пил пиво, отдувался и обсыпал усами. Очень был обыкновенный факир. А я стоял в углу и, прятаясь за дядю, смотрел на него, как канарейка на гремучую змею.

Помню, как Рачки-Чикады взял меня за руку, притянул к себе, посадил на свои факирские колени и сказал тихим загробным голосом:

— Ну, ученый человек, чего дрожишь? Научить тебя знаменитой штуке? — Без пролития кровяных шариков? — робко спросил я, упорно сползая с колени на пол.

— Ишь, ты! Эта штука, брат, не для таких мышат, как ты... А вот что, ты слы видишь?

— Вижу.

— И хорошие? — Каким там хорошие... Все про делмое и про делмое, даже надело.

Факир на мои ученые слова только головой pokrutyл.

— Эх ты, каплюшка! Да разве ж это сны...

Он достал из-под расшитого звездами халата листок бумаги, разорвал его на три клочка, сососал карандаш, задумался и стал писать.

— Вот видишь, тут три бумажки. Если тебя днем врасплох обидят, если дождик шел и гулять тебя не пустили, если за обедом саакого не было, развери перед сном любую бумажку, прочти семь раз, обертаясь лицом на восток, все, что на бумажке написано, и засыпай с Богом. Увидишь сон добрый, сон веселый, сон сладкий, — какой пожелаешь... Только знай: должен ты этим словам крепко верить и никому про них зря не болтать. Тогда все и сбывается.

1924 г.

Подписано: Фаддей Симеонич СМЯТКИН.

СТРАННАЯ ИГРА

Под лозой ловочет гулко речка. На лозе трепещет стрекоза... Я тинусь. Вот-вот схвачу... Осечка! Из-под пальцев взвился егоя.

И опять садится... Плеск волны. «Начинайте, милый друг, сначала». Так со мною в Петербурге до войны Некая медичка поступала.

1928, Париж.

Дядя усмехнулся в усы — не поверил. А я три бумажки в карман, да скорей ходу. Может быть, самопротыкатель этот еще раздумает и бумажки свои назад отберет.

И что же вы думаете? Поверил я ему — и много добрых, веселых и сладких снов видел, чего и вам желаю.

Друзья мои маленьки! Я взрослый. Снов никаких давно уже не вижу: ни сладких, ни горьких. А вам, малышам, мой секрет, может быть, и пригодится.

Вот что на бумажках этих было написано.

СОН ДОБРЫЙ

Хочу видеть доброе царство Голубое государство, Где все улыбается, Где взрослые к детям не придираются, Где нет ни ос кусачих, Ни гадов бродячих, Ни детских мучителей — Делюмо и делителей... Дзин-дзин! Хочу! Желаю! Аминь.

СОН ВЕСЕЛЫЙ

Хочу видеть веселое царство, Детское государство, Где все шумит, свистит и танцует, Бьют в барабаны и в дудки дуют, Где ручные соапы и тигры Играют с детьми в веселые игры, Где пахнет еж в зеленом хаалтике, А маршнски рвут в куски грамматику... Дзин-дзин! Хочу! Желаю! Аминь.

СОН СЛАДКИЙ

Хочу видеть сладкое царство, Рыхат-лукумоное государство, Где на каждом шагу Продают бесплатно нугу, Вяземские коврижки, Медовые пышки, Халву и бананы, И печенье каштаны... Дзин-дзин! Хочу! Желаю! Аминь.

Попробуйте. А если ничего не выйдет — вина не моя. Значит, плохо верил.

1924 г.

Подписано: Фаддей Симеонич СМЯТКИН.

Саша Чёрный.

Кажется, нет у него такого стихотворения, где бы не отыскался хоть один зоологический эпитет, — так в гостиной или кабинете можно иногда найти под хреслом плюшевую игрушку, и это признак того, что в доме есть дети. Маленькое животное в углу стихотворения — марка Саши Чёрного, стала же определенная, как слон на резинке. Но сейчас я вспоминаю не книги его.

Как ни противны мне всякие «личные выступления» (и желание вынобавых кабычек), однако считаю неременным своим долгом сказать о той помощи, которую мне оказал А.М. лет одиннадцать-двенадцать тому назад. Один из лучших наших поэтов не так давно писал о глухонемом невинном признании к начинающим. Есть два рода помощи: есть похвала, подписанная громким именем, и есть помощь в прямом смысле: советы старшего, его пометки на рукописи новичка, — волнистая черта недоумения, осторожно исправленная безграмотность, — его прекрасное сдержанное поощрение, и уже ничем не сдерживаемое содействие. Вот этот второй — важнейший — род помощи я и получил от А.М. Он был тогда вдвое старше меня, был знаменит — слух о нем прошел «от Белых вод до Черных» (на берегах последних возникали даже лица, выдававшие себя за него). Он жил в Шарлоттенбурге, в 60, кажется, номере на Вальтерштрассе; против его окошка висела кирпичная стена, в комнате было темно; я приносил ему стихи, о которых вспоминаю сейчас без всякого стыда, но и без всякого удовольствия. С его помощью я печатался в «Жар-птице», в «Гранях», еще где-то.

Он не только устроил мне издание книжки моих юношеских стихов, но стихи эти разместил, придумал сборнику название и написал корректуру. Вместе с тем я не скрываю от себя, что он, конечно, не так высоко их ценил, как мне тогда представлялось (бкус у А.М. был отличный), — но он делал доброе дело и делал его основательно. Мне неприятно, повторю, собачьсь со своей автобиографией, да и кажется, не я один могу вспомнить его помощь, — мне только хотелось как-нибудь выразить запоздалую благодарность, теперь, когда я уже не могу послать ему письма, писание которого почему-то откладывалось, теперь, когда все кончено, теперь, когда от него осталось только несколько книг и тихая, прелестная тень.

В.СИРИН (Владимир НАБОВОК). «Последние Новости», Париж. 13 августа 1932 г.

Моск. Комсомолец, 1924.

«САТИРИКОН» И САТИРИКОНЦЫ

Из поэтов «Сатирикона» Маяковскому больше всех нравился Саша Чёрный. Но, к сожалению, они не были знакомы, потому что в то время, когда Маяковский работал, Саша Чёрный был на фронте.

(...) В смысле формы он отличался от Маяковского, а по тематике очень походил на него. В 1905 году его напечатала журнал «Зритель». Стихи были подписаны «Саша Чёрный».

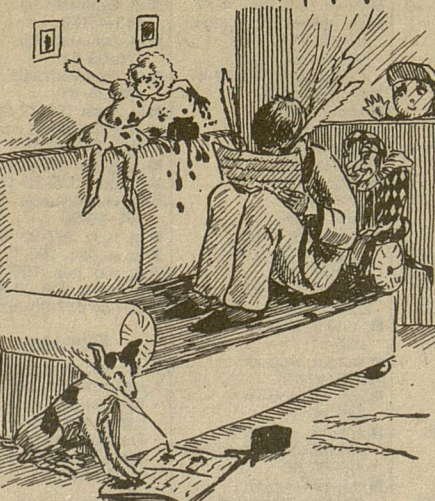
Четыре офицера в редакцию пришли, Четыре революбера с собою принесли...

И рисунок был. Мне запомнились эти стихи. А когда открылся «Сатирикон», появился здесь худейный еврей с грустными прекрасными глазами, но с такими печальными, что смотреть на него было страшно.

В нем было очень много детского. Человек он был замечательный.

А.А.РАДАКОВ 1939 г.

Как живёт и работает Саша Чёрный в воображении его читателей.

«Иллюстрированная Россия», Париж, 17 апреля 1926 г.

ХРАБРЫЙ МАЛЬЧИК

По моей мансардной крыше Запугивают лоды. Я лежу за шкафом в нише, Плед сползает, в пятаках дрожь. Пусть сползает... Я не Грisha, Я ковбойский храбрый вождь! Шляпа — облако из фетра, Имя «Томсон» — Диккий Гусь, Вмиг — прыжком в четыре метра На мустага я сажусь И лечу быстрее ветра... Грывает гром — не обернусь! На руке спирально свито Бесконечное лассо... По траве шипят копыта, Стрелами, как козлами... Небо звездами расшито, Месяц — светлое серсо. Враг мой, рыжий Джек-плантатор Оскорбил меня вчера... В кабачке ночью «Экватор» С ним кутила я до утра. Под навесом ресторатор

Жарил серну у костра. Джек сказал, что из винтовки Не попал бы я в орла! Две мулатки — вот чертовки! — Рассмеялись из угла. Хлопнув плетью по циновке, Я вскопал из-за стола. Гром и молнии! Терпенье... Пуля первая — орлу. А вторая... Мцене, мцене! Разве я снесу хулу! Послезавтра, в воскресенье, Будет трупом на полу. Что там в прерии мелькнуло Средь метелок камыша? Вмиг рука лассо метнула. Грнула буйвол, не дыша... Тыфу, свалил часы со стула! В пятаки прыгнул душа. Спичек нету! Папа с мамой На Шляппина ушли. Во дворе за темной рамой Плачет дождик: «Пли-пли-пли!» Под кроваткой-кот упрямым С куклой возится в пыли.

1924 г.

Саша Чёрный

ЧТО КОМУ НРАВИТСЯ